

Дарья Верясова

Великий пост.
Дневник неоприта

монашеская проза

ВОЛЬНЫЙ СТРАННИК

Москва, 2020

УДК 821.161.1-312.2Верясова
ББК 84(2=411.2)6-44
В31

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р20-921-0774

Верясова, Дарья Евгеньевна.
В31 Великий пост. Дневник неопита. Монастырская проза / Верясова Д. Е. — М. : Фонд социокультурных проектов «Традиция», 2020. — 272 с. : ил.

ISBN 978-5-00152-046-7

Автор книги Дарья Верясова — поэтесса, прозаик и драматург. В 2019 году за прозу «Великий пост. Дневник неопита» она стала лауреатом Международной литературной премии имени Иннокентия Анненского.

Подробно описывая жизнь в монастыре на протяжении Великого поста, автор не скрывает духовной неопытности своей героини и незнания ею церковной жизни. Она делится очень личным и сокровенным, в том числе переживаниями о греховной любви, от которой она скрылась в обители. В монастыре девушка прикасается к чуду, которое меняет попавших туда людей, преображает их души и меняет судьбы.

Книга будет интересна как людям верующим, так и всем интересующимся православием.

УДК 821.161.1-312.2Верясова
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00152-046-7

© Д. Е. Верясова, 2020
© Фонд «Традиция», 2020

Об авторе

Дарья Верясова — современная поэтесса, прозаик и драматург. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. Работала журналистом, сотрудником редакций художественно-публицистических журналов, руководителем литературно-драматической части ведущего театра Республики Хакасия.

Автор является лауреатом международного конкурса драматургов «Евразия», литературной премии фонда В. П. Астафьева, поэтической премии «Пушкин в Британии» и «Илья-премии». Дипломант поэтических конкурсов «Заблудившийся трамвай» и «Новый звук».

Жила в монастыре, писала очерки из воюющих Донецка и Луганска. Участвовала в ликвидации последствий наводнения в Крымске в 2012 году, на основании этих событий была написана документальная повесть «Муляка», опубликованная в журнале

«Волга» и вошедшая в лонг-лист премии «Повести Белкина» и в шорт-лист премии «Дебют». Автор книг стихов «Крапива», «Дом-музей», книги прозы «Муляка. Две повести».

Стихи, проза, исторические статьи и критические заметки Дарьи Верясовой публиковались в журналах «Волга», «День и ночь», «Дружба народов», «Октябрь», ряде альманахов и коллективных сборников. Постановки ее пьес регулярно появляются в самых известных театрах страны и зарубежья.

Кроме того, занимается историей обороны Москвы и содержит сайт «Как Зоя», посвященный подвигу Зои Космодемьянской, Веры Волошиной и других героев воинской части № 9903.

В 2019 году с прозой «Великий пост. Дневник неорфита» стала лауреатом Международной литературной премии имени Иннокентия Анненского.

Предисловие

С самой первой прозаической вещи, которую я прочитала у Дарьи Верясовой, несомненно был этот взгляд и почерк прозаика, способность выстроить повествование; в нескольких предложениях явить живую картинку; передать красноречивый диалог; несколькими штрихами обрисовать персонажей и, отсекая все необязательное и лишнее, подметить деталь, которая дает ключ к пониманию той или иной ситуации и подоплеки.

«Дневник неопита» читаешь с неизбывным интересом, и главный секрет этого — в характере самой героини, которая вызывает симпатию своим простодушием, не чурающимся самоиронии. Неопит — в данном случае автор Дарья Верясова — без кокетства описывает свои ощущения, с которыми она вступает на новую для нее стезю, не смущается поведать и о своем незнании церковной жизни, и о духовной неопытности, и даже о житейской

неловкости во время несения послушания на кухне, словно тем самым приглашает читателя пройти вместе с ней эти ступени познания и преображения.

Итак, героиня уходит от мира в монастырь, чтобы пережить там сердечную драму, душевный надлом и неприкаянность, которые в течение монастырских дней Великого поста рассеиваются, вытесняются красотой богослужения, аскезой духовного подвига, сопричастностью к жизни других насельниц монастыря, соприкосновением с иной — духовной — реальностью, венцом которой оказывается праздник Воскресения Христова.

Героиня совершает свой недлинный монастырский путь послушницы от Прощеного воскресенья до Пасхи. Однако физическое время ее пребывания в монастыре не совпадает с временем метафизическим, настолько оно насыщено новыми открытиями и неожиданным для нее опытом духовного освобождения. «Душу тоже надо лечить, когда она болеет. Я хоть в себя пришла», — отвечает она на эсэмэски друзей и подруг, недоумевающих по поводу ее ухода в монастырь и пишущих ей порой комментарии, свидетельствующие об их собственном духовном невежестве, а порой и цинизме.

Впрочем, Дарья Верясова не занимается в своей прозе ни катехизаторством, ни миссионерством, разве что вслед за ней в монастырь на Страстную неделю выбирается из Москвы ее близкая подруга. Здесь нет ни поучений, ни наставлений, ни свидетельств духовных прозрений, но по мере развития сюжета, разворачивающегося на наших глазах изо дня в день, читатель видит, как происходит освобождение этой души, отягченной и ожесточенной скорбями жизни, и как она, словно бабочка из куколки, оживает и вылетает на волю. Это ощущение благодати как силы отталкивания от земли, как ощущения полета несколько раз получает свое словесное воплощение. Так, после прикосновения к чудотворной иконе появляется описание, напоминающее волшебную сказку:

«И во время службы поняла каждой клеткой, что в теле не болит ровным счетом ничего из того, что болело накануне, а поднимаясь вверх после земного поклона, можно случайно оттолкнуться от пола и взлететь под купол. Только неудобно при матушке, поэтому надо прочнее держаться за землю.

И столько в этом удивительной правды, что не было ни страшно, ни странно. Наверное, именно это и есть благодать — застывшее ощущение легкости

и покорности судьбе. Как у поля, что будет перекопано, как у неизвестных стихов Иванова*, что будут читаться наизусть».

Такое же чувство возникает после соборования: «Я похожа на воздушный шар, из которого выгнали углекислый газ и заменили на гелий. И теперь я не волочусь по полу, а тычусь в потолок. Меня тянут вниз, а я — пык! — назад! А если выбраться на улицу, то можно улететь прямо в небо».

Обаятелен в произведении этот «незамысленный», свежий, юный, порой почти по-детски непосредственный взгляд на монастырский уклад, на церковных прихожан, на послушниц, с их разговорами, жизненными историями, отношениями меж собой, женскими откровенностями.

Например, то, как монахини, послушницы и прихожане во время Прощеного воскресенья подходят к матушке игуменье, чтобы попросить прощения, напоминает ей детскую игру в «ручеек». А одна из матушек, распоряжающихся на кухне, удивляет своим сходством с бабушкой в рекламе «Домика в деревне».

* Иванов Георгий Владимирович (1894–1958) – русский поэт, прозаик и публицист, переводчик, критик. Один из крупнейших поэтов русской эмиграции. — *Примеч. ред.*

Или вот такая — по-детски увиденная и описанная сценка: «Я собираю палки и доски, которыми придавливают от ветра целлофан на грядках. Из-под руки выскакивает крупная жаба и ныряет под забор. Какое-то время мне виден ее зеленый зад, потом и он исчезает.

“Ускакала к своим, — думаю я. — Фу такой быть!”»

Проза заканчивается тем, что героиня собирается сразу после Пасхи покинуть монастырь, ибо монашество — это не про то, как можно удобно устроиться неприкаянному и скорбящему человеку за высокими стенами, отгородившись от мира, а про сугубое призвание. У героини оно другое. Главное, что мы расстаемся с ней, когда она бредет с подругой по монастырским окрестностям, блаженно и вольно распевая песни на всю ивановскую.

Это именно то, о чем говорится «душа поет»! Достойное завершение и Великого поста, и повести о несчастной любви, преображенной в пасхальный Свет.

Олеся Николаева, поэтесса, прозаик,
эссеист. Член Союза писателей СССР.
Лауреат премии «Поэт» (2006), Патриаршей
литературной премии (2012) и премии
журнала поэзии «Арион» (2019).

Пролог

— Трудно в миру?
— Очень.

— Ну, поживи... — архимандрит внимательно
взглянул на меня, — год проживешь?

— Год?! — ужаснулась я.

— Разве тебе здесь плохо?

Нет, в монастыре было хорошо. Небольшая девичья пустынь вдали от столицы оказалась тем местом, где я снова начала улыбаться. Так бывает: смысл борьбы с трудностями вдруг исчезает, заканчивается все, что держало тебя на крючке, дорогие люди становятся безразличными, исчезновение под колесами электрички уже не кажется страшным...

Но год?!

— Москва скоро в преисподнюю рухнет, нечего там делать. Грехи да скорби. А здесь благодать, икона «Державная» чудотворная, матушка заботливая, добрая. Живи! Сейчас Великий пост начнется, на Пасху похристосуемся, потом Троица, а дальше Успение, Рождество — вот и год пройдет. А за человека того не молись, не надо. Ему не поможешь, а себя загубишь.

— Хорошо, — сказала я, — постараюсь.

Накануне матушка настоятельница тоже уговаривала меня остаться:

— Не хочется тебя отпускать. Слезы одни в Москве. А у нас — похорошела, похудела! Глазки засияли. А ведь приехала чучело чучелом.

«Лотта, голубушка, можно у вас вписаться ненадолго?» — написала я Лотте.

«Дарьюшка, разумеется!» — ответила она.

Почти случайный отъезд в монастырь походил на бегство: в панике я не взяла необходимых вещей, забыла у друзей телефон, не сделала важных дел. И теперь, месяц спустя, надо было приехать в Москву хотя бы на неделю, чтобы с чистой совестью исчезнуть на неизвестный срок.

Сестры хором отговаривали: дескать, будет трудно вернуться сюда из столицы — появятся мелкие и неприятные преграды, но я верила в свое возвращение настолько, что оставила в келье все привезенные вещи.

Конечно, я не могла не повидаться с тем человеком, которого безуспешно пыталась выкинуть из головы. Я искала встречи и, еле выдержав неделю, позвонила. Мы засели в какой-то кафешке, что-то ели и что-то пили.

— Может быть, нам стоит остаться друзьями? — спросил он.

Я ответила в духе времени:

— Никогда мы не будем братьями!

Ничего нельзя было исправить — слишком далеко зашло. Только рвать по живому. Характер наших небратских отношений подтвердился в тот же

вечер, и было непонятно, как можно снова уехать от необходимого мне, но столь равнодушного человека.

Возвращение удалялось от внутреннего взора и грозило растаять в неизведанной дали. Вишенкой на торте стали утренняя температура и насморк с кашлем.

«Ты издеваешься?» — подумала я в адрес того, кто заграждал мне путь. Встала, написала записку Лотте, порыдала над загубленной жизнью и поехала.

Дикая безысходность настигла меня в Теплом Стане, на автобусной станции, но там и без того не весело бывать человеку. В районном центре сорок минут под дождем ждала такси, чтобы добраться в нужную глушь.

Я ступила за ограду, увешанную плакатами с просьбой не подкидывать в монастырь кошек, и перекрестилась на икону над входом в храм. Я вернулась.

Прощеное воскресенье

В нашем приходе много детей с красивыми лицами. Подростки-младенцы, мальчики-девочки. Я этим детям завидую. В их отношении к Церкви раскованности больше, чем я сумею в себе воспитать когда-либо: в их сознании уже живут правила и обряды, о существовании которых только сейчас начинаю узнавать. Причем через этих же детей. Долго не могла понять, что происходит перед исповедью, когда священник поворачивается к людям и все они вразнобой произносят разные наборы

букв, и оборачивалась в панике, пока не услышала, как малыш громче всех крикнул: «Сергей», а его отец при этом пробасил: «Игорь». И наконец дошло, что каждый исповедующийся должен назвать свое имя. В третий раз я присутствовала на исповеди. Дети наизусть читают молитвы, которые я до сих пор толком не расслышала. Здесь есть девочка лет двух, похожая на Машу из детской сказки. Она бегает по храму в голубом платочке, который удивительно идет маленькому личику, приседает на корточки и плохо выговаривает слова — эта «манная каша» понятна лишь родителям. Иногда отец взваливает ее на плечо, и та засыпает. Отец слишком громоздок для ее тщедушного тельца, и вместе они напоминают памятник в Трептов-парке*. Однажды сидя так на плече, кроха встрепенулась и отчетливо пропела вместе со всеми:

* Парк в восточной части Берлина на берегу Шпрее. Известен главным образом гигантским мемориалом в память о воинах Красной армии, павших в боях за Берлин. «Воин-освободитель» — монумент в берлинском Трептов-парке. Является символом победы советского народа в Великой Отечественной и Второй мировой войне и освобождения народов Европы от нацизма. В центре композиции — бронзовая фигура советского солдата, стоящего на обломках свастики.

— Недостойных помилуй нас.

Всякий раз я люблюсь на нее до слез. А она подбегает к взрослым и смотрит на них хитрыми глазами.

Была ли она сегодня — не знаю. Почти все утро я помогала на кухне печь блины и на утреннюю службу заглянула лишь на полчаса. Впрочем, вспомнила про девочку только вечером, когда происходило самое важное.

— Что говорить-то надо матушке? — спросила Лена-трапезница у Новеллы, сидящей перед нами.

Новелла полистала книгу, которую держала в руках, и произнесла с выражением:

— Ты ей говоришь: «Матушка и все святые отцы! Простите мне, недостойному, все прегрешения, вольные и невольные, даруйте отпущение грехов и души очищение...»

Дальше прозвучала такая длинная и сложная фраза, что я испугалась:

— Дословно? Мне надо на бумажку записать!

— Ну да, — серьезно кивнула Новелла, — а матушка тебе на это ответит... — и процитировала

В одной руке солдат держит опущенный меч, а другой поддерживает спасенную им немецкую девочку. — *Примеч. ред.*

фразу еще более длинную. Если бы не финальный пассаж про славянский шкаф, я бы поверила. В религиозном юморе я тоже пока не сильна.

Но говорить надо было простое и привычное «прости» — «Бог простит» и троекратно обниматься. Что-то тут было от игры «ручеек», когда матушка шла к архимандриту, кланялась оземь, целовала крест, а потом вставала рядом с ним, и следующий человек шел к архимандриту, потом к матушке, и тоже вставал рядом, так один ряд постепенно — по чину — проходил мимо появляющегося другого, и это было прекрасно и весело. Кто-то перед каждым вставал на колени, кто-то просто отвешивал поясной поклон. А когда я встала возле дверей, ища в толпе знакомые, но непращенные лица, передо мной на колени бухнулись те двое, отец и сын, благодаря которым я поняла, что происходит на исповеди. И я тоже встала перед ними на колени, и тоже им поклонилась и попросила прощения, ибо что остается делать, когда двое незнакомых мужчин падают перед тобой на колени? И тогда я вспомнила про ту девочку в платочке и поняла, что перед ней я первой бы встала на колени, ибо что же делать, если ты перед кем-то настолько сильно не виноват, что любишься на него до слез?

Вечером мыла посуду после ужина и думала о Великом посте как о счастье трапезницы: ни жирных тарелок, ни селедочниц, и посуды меньше, и мыть ее реже. Трапезницей я трудилась весь предыдущий месяц, и освободить меня от этого послушания никто не собирался. Говорят, все сестры в нашем монастыре поначалу бегали по кухне с тарелками. Послушание утомительное, но тем вернее спасешься. Да, некоторые спасают душу мытьем посуды.

В родной келье на последнем третьем этаже все осталось нетронутым: без меня никто сюда не входил и паломниц не селил. Меня ждали, и это было приятно.

Уже помолившись и сидя на кровати, долго смотрела в экран телефона, не желая выпустить его из руки и не решаясь написать.

Экран погас и тут же вспыхнул:

«Ты уже в обители?» — спросил он.

Я тихо засмеялась и, не отвечая, легла спать.

День первый

— Во сколько завтра служба начинается? — спросила меня насельница Наташа поздним воскресным вечером.

Я пожала плечами, и тогда она обратилась к соседке слева — мать Феоклите, нашему келарю — похожей на специальную круглую деревенскую бабушку в очках, переднике и с ласковыми шаркающими интонациями рекламы «Домика в деревне».